

Маркку НИЕМИНЕН

г. Кухмо, Финляндия

ЭПИЛОГ

В №6 за 1964 год журнала «На рубеже» (впоследствии – «Север») была опубликована документальная повесть Яакко Ругоева

«Двести пятьдесят шесть дней», посвященная судьбе разведчика Василия Кириллова. Яакко Ругоев рассказал о подвиге своего друга, но в то время он не мог написать о том, как закончилась жизнь героя.

Об огромной работе, которую проделали Яакко Ругоев и Ортье Степанов, собирая сведения, восстанавливающие доброе имя Василия Кириллова, рассказывает

финский писатель Маркку Ниеминен.

Его очерк позволяет еще раз задуматься о страшных страницах российской истории, о долге и чести, о верности и предательстве, о судьбах многих людей, служивших своему народу и уничтоженных государством.

Василий Кириллов, судя по данным его свидетельства о смерти, скончался 20 февраля 1945 года. Он был осужден и признан виновным в предательстве своей родной страны.

В те годы в Советском Союзе не могло произойти ничего страшнее этого. Предатели больше не считались людьми. Бывшие коллеги по работе, учебе, просто знакомые о них старались не говорить. С родными и близкими дело обстояло сложнее. Невозможно вычеркнуть из памяти убитого сына, отца или брата, друга, даже уничтожив все его фотографии и не говоря об ушедшем ни слова – скорее, это действовало наоборот. Забыть близкого человека вряд ли возможно. И уж тем более, если за его уходом остается след тихих перешептываний и искоса брошенных взглядов.

Яакко Ругоев, узнав о судьбе Василия Кириллова, не мог остаться равнодушным. Василий был его лучшим другом. Поверить в предательство Яакко не мог. Делом его жизни стало оправдание имени друга детства, товарища юношества и брата по оружию. Несколько десятилетий назад он написал эпитафию, которым и хотел бы начать историю Василия.

«Я услышал голос из небытия: «Меня больше нет. Меня безвинно обвинили. И никто в моем родном крае не знает, расстреляли меня или я изнемогаю в лагере для военнопленных. Подлые слухи о моем предательстве никто публично не опроверг. Считается, что мертвым все равно, что о них говорят. Но неужели это безразлично моим многочисленным друзьям и товарищам? Неужели среди них не найдется того, кто раскроет правду? Именно правду, как бы глубоко она ни была скрыта».

Якко Ругоев стал систематически собирать материалы о жизни Василия Кириллова. Он понимал, что в архивах ему не предоставят необходимые документы, по крайней мере тогда. Поэтому он выбрал метод, которого в целом и придерживался в поисках источников. Он интервьюировал свидетелей того времени, создав широкую сеть переписки, обращаясь к друзьям и знакомым с просьбой искать людей, которые знали бы об интересующих его событиях, и призывал их написать ему. И его метод сработал.

Якко обосновывал свои действия тем, что архивы не содержат всей правды и в то же время никуда не пропадут. Зато рассказы многих людей, переживших одни и те же события, дополняют друг друга, оживляя историю и придавая ей целостность. Необходимо лишь записать воспоминания очевидцев, пока они не забылись и пока рассказчики еще живы.

В случае с Василием в результате десятилетних стараний Якко добыл так много материалов, что создание книги на основе этих данных стало чрезвычайно сложной задачей. И все-таки самое главное он сделал сразу, как только это стало возможным, а именно – оправдал имя своего друга. И в этой работе он заполучил неожиданно помощника и соперника.

В конце пятидесятых годов двадцатого века в Советском Союзе переживали эпоху оптимизма. Культ Сталина был низвергнут: изменилось отношение к прошлому, в будущее смотрели с верой. Ведь Советский Союз, отправив первый спутник земли на околоземную орбиту, выиграл у США в космическом противостоянии.

Была поставлена еще одна важная задача: СССР необходимо было догнать США в области сельскохозяйственного производства в пятилетний срок. В Карелии 250 коммунистов отправились из Петрозаводска в села вдохновлять и контролировать развитие сельского хозяйства. В число этих ударников партии, отправившихся в Ухту, попал и Ортъе Степанов, окончивший педучилище и высшую торго-

вую школу. В то время он был начинающим писателем, еще не снискавшим славы и почета. Якко Ругоев побуждал его писать и во многом помогал ему.

В Ухте Ортъе Степанов зашел поприветствовать своего школьного учителя финского языка Матти Пирхонена. Учитель и ученик рассматривали старые фотографии и вспоминали школьные годы. Матти рассказал Ортъе о том, кто кем стал и что он знал об их жизненных перипетиях. Рассматривая одну из фотографий бывших учеников, он помрачнел и отметил, что никогда не поверил бы в то, что Василий Кириллов мог стать изменником Родины.

Это было первое послевоенное соприкосновение Ортъе с Василием.

Я сам столкнулся с судьбой Василия Кириллова в начале восьмидесятых годов на даче Ругоева в Косалме. Якко дал мне почитать относящиеся к этой жизненной истории рукописные материалы. Одной ночи не хватило, чтобы полностью ознакомиться со всем, но это дало повод для дальнейшей беседы.

Так как большая часть рукописи была написана в шестидесятых годах, я удивлялся, почему настолько интересный материал не был обработан для дальнейшего опубликования. Якко отметил, что рукопись содержит большое количество информации, которая могла бы нанести болезненные раны сердцам живущих еще людей. Он хотел, чтобы прошло определенное время. С другой стороны, он дал понять, что даже тогда, в начале восьмидесятых, не было возможности опубликовать всю правду, а именно: рассказать о том, что советская власть сама уничтожала своих героев. Предыдущие рассказы Якко повествовали лишь о героическом подвиге Василия Кириллова, его подпольной деятельности разведчика в тылу врага в оккупированной деревне в течение почти девяти месяцев. Что потом с ним произошло, знали лишь его ближайшее окружение и жители родного края. Для более широкого круга читателей не хотелось публиковать неточные сведения.

В 1984 году в Карелии при подготовке художественного кинопроекта «Память рода», состоящего из трех частей, мы с режиссером этого фильма Лассе Наукариненом обратили внимание и на судьбу Василия Кириллова. Центральная часть фильма «Мужчины с классной фотографии» включала в себя школьные воспоминания Якко Ругоева, а также наблюдения за жизнью Якко и его одноклассников. Тогда нам дали понять, что смерть Василия должна быть завуалирована, хотя прямого запрета мы не получали. Так как мы не хотели Якко неприятностей, касающийся Васи-

лия эпизод закончился фразой: «Бури того времени поглотили его».

Я встречался и тесно сотрудничал с Яакко Ругоевым с конца семидесятых годов до самой смерти писателя. Мы много беседовали о литературе и культуре Карелии. Частенько я записывал эти беседы на диктофон. В конце жизни у Яакко было две мечты: закончить произведение «Лесная карельская молодость» и книгу «Костомукша», которая по собранному материалу разрослась до большого произведения.

Проблема создания книг заключалась в колоссальном объеме материала. Уже после первого прочтения я констатировал, что материал, касающийся Кириллова, содержит в себе элементы трех книг. Однако Яакко ни в коей мере не хотел отказываться от своего первоначального плана и начал выстраивать единое произведение. При его манере работать процесс обещал быть крайне долгим.

Я обрадовался, когда в начале девяностых годов он попросил Аку-Киммо Рипатти отредактировать «Лесную карельскую молодость». За три недели Аку-Киммо прочитал основную часть материала, сделал по пути пометки и языковые исправления, а также внес предложения по материалу, который можно было бы опустить. К сожалению, у Яакко не было времени на детальный разговор с Аку-Киммо.

Материал продолжал разрастаться.

В конце пятидесятых годов Ортье Степанов гостил в Вокнаволоке у своей двоюродной сестры Майкки Мякеля. Майкки вышла там замуж за сына Окахвие Мякеля. Когда разговор зашел про военное время, Окахвие обмолвилась о том, что советская власть поступила неправильно, обвинив Василия Кириллова. Она рассказала о рискованной, но успешной деятельности Василия в оккупированной деревне, а также о своем личном вкладе и о вкладе других жителей деревни, помогавших Василию скрываться и собирать информацию. В конце рассказа Окахвие сказала, что говорила об этом деле с несколькими, по ее мнению, влиятельными людьми – с целью вернуть добрую славу Василию, но напрасно. Никто не захотел или не посмел затрагивать эту тему. «Скорее всего, не посмеешь и ты», – сказала Окахвие.

Это стало вызовом для Ортье, который как раз любил браться за такие трудные дела. Он стал спрашивать всех входивших в «группу патриотов», как называла их Окахвие, сначала в Вокнаволоке, позже в Калевале, куда часть из них переехала.

В скором времени начальник Ухтинского отдела КГБ майор Мартынов вызвал Ортье к себе на

разговор. Он сказал, что слышал о том, что Ортье копается в событиях военного времени. «Это не твоё дело. Прекрати сейчас же свои расспросы, а если ты делал какие-то записи, то сожги все! И никому не рассказывай о нашем разговоре. Можешь идти!»

Ортье вернулся к себе в квартиру, прочитал все свои записи и всю ночь писал на их основании письмо в Москву, в прокуратуру Советского Союза, в котором рассказал о судьбе Василия Кириллова и свидетельствах помогавших ему людей, о его невиновности. Он просил, чтобы дело Василия пересмотрели и оправдали его доброе имя.

Ортье не рискнул отправить письмо из Калевалы, а поехал в Кемь, где у него были и другие дела. Но и там он не отнес письмо на почту, а отправился на вокзал. Через Кемь следовали прямые поезда между Мурманском и Москвой. Именно в тот момент, когда следующий в Москву поезд был готов к отправлению, Ортье и опустил свое письмо в специальную щель его почтового вагона.

В эпоху перестройки представилась возможность вновь заниматься делами национальной культуры, на что Яакко Ругоева сподвигли, несмотря на его возраст (ему было уже около 70 лет). Он согласился стать председателем Союза писателей Карелии лишь с тем условием, что будет работать на безвозмездной основе, т.е. без получения зарплаты. В то время в Карелии положение финского языка существенно укрепилось. Его стали преподавать во многих школах, количество студентов отделения финского языка университета удвоилось, был основан детский журнал «Кипиня» («Искорка»).

Когда Яакко сложил с себя председательские обязанности, на которые уходило много времени, я начал поторавливать его вернуться к материалам о Кириллове и к книге о Костомукше. Каждый раз он уверял меня, что возьмется за них сразу, как только станет посвободнее.

Работы в те годы хватало. Яакко Ругоев не мог быть в стороне от решения судьбоносных вопросов карельской культуры. «Все испытавшим патриархом» – он стал совестью народа. В его точке зрения нуждались как организации национальной культуры, так и чиновники, а если и не нуждались, то он в любом случае представлял ее. Во время развала Советского Союза и всей общественной системы у него не было возможности сосредоточиться «лишь» на судьбе Кириллова и Костомукши. Его воспринимали как спасителя всей национальной культуры. А потом тяжелая болезнь быстро унесла его.

Вскоре после смерти Яакко Ортье спросил у меня, не смог бы я отредактировать «Лесную карельскую молодость», чтобы она не осталась навсегда преданной забвению. Я не смог отказаться, хотя осознавал, что мне придется на долгое время отложить свою работу.

И все-таки у меня не получилось взяться за работу сразу же, так как весь этот обширный материал куда-то подевался. Сын Яакко Рейно тщательно пересмотрел архивы отца как в петрозаводской квартире, так и на даче в Косалме. Но в них этой «слоvesной руды», как иногда говорил про свои записи Яакко, так и не нашлось. Рейно все же нашел одну папку, подписанную Яакко собственноручно: «Яакко Ругоев. Глухая карельская молодость».

Однако эта папка не была рукописью произведения, а содержала лишь тот материал, на основе которого Яакко, очевидно, собирался написать эпилог и где были его пометки, сделанные в военные годы и в период расследования, а также те данные, по причине которых еще в шестидесятые годы он не хотел публиковать свою книгу.

Ортье Степанов рассказал о своих действиях по реабилитации имени Василия Кириллова Яакко Ругоеву и не мог понять, почему тот стал упрекать его. По мнению Яакко, Ортье мог все испортить, взявшись за это на чересчур ранней стадии и не имея в наличии убедительного свидетельского материала.

В этом вопросе стала видна разница в позициях двух друзей по поводу общего дела и его ведения. И это был не единственный случай, когда у них было различное видение методов подхода к делу. Оба, конечно, все ставили на карту в важных для себя делах. И цели чаще всего были одинаковыми, но действия – чуть ли не противоположными.

Там, где Яакко, прежде чем приступить к каким-либо официальным действиям, хотел в результате кропотливой исследовательской работы собрать воедино накопленный материал для подтверждения правильности своей позиции, Ортье, заметив большую несправедливость, с законными претензиями бросался сразу в пасть бюрократии и только после этого обдумывал, что надо сделать. Тяжелая бюрократическая машина не сломала ни одного из них, хотя и тот, и другой испытали на себе довольно серьезное давление с целью прекращения их деятельности.

Только тогда Ортье узнал о намерении Яакко опубликовать книгу о судьбе Василия и о проведенном расследовании. Яакко не делился всей информацией с Ортье, в том числе и той, что содержала случайно найденная нами папка.

А Ортье в то же самое время взялся рапорто-

вать Яакко о результатах своей деятельности. Он стал получать одно за другим письма из пользующихся дурной репутацией учреждений. Его не обвиняли в том, что он поднял этот вопрос. Как прирученный и выдрессированный зверь, бюрократическая машина послушно двигалась по заданной траектории: получив задание, которое надо было выполнить, не испытывая никакого чувства ужаса в отличие от людей, она лишь добросовестно исполняла запланированное.

Запросы Ортье пересылались из отдела в отдел, после он получал официальное письменное уведомление о том, куда переданы его бумаги. Путь его письма начался в управлении Военного трибунала Северного военного округа при Прокуратуре Советского Союза и в конце концов закончился рассмотрением дела в Военном трибунале Ленинградского военного округа. В течение этого времени письмо восемь раз курсировало между Москвой, Петрозаводском и Ленинградом. На все эти перемещения ушло более полугода. Первое уведомление о вручении было датировано 22 марта 1960 года, а извещение о принятии решения 26 октября 1960-го. В извещении говорилось лишь об отправке решения в Петрозаводск в Государственный охранный комитет, откуда Ортье, в конце концов, и получил решение.

*«Военный суд
Ленинградского военного округа
26.10.1960
№ 583*

Свидетельство

Василий Агеевич Кириллов, 1920 года рождения, родился в деревне Вокнаволок Калевальского района Карельской АССР, арестован 14.10.1943, до этого состоял на военной службе, – дело пересмотрено 24.10.1960 в Военном трибунале Ленинградского военного округа.

Принятое 12.02.1944 решение, касающееся В.А.Кириллова, отменено, и обвинения сняты в связи с отсутствием состава преступления, гражданин Кириллов реабилитирован после своей смерти.

*Заместитель председателя судебного аппарата
Военного трибунала Ленинградского
военного округа полковник Поляков».*

Таким образом, Яакко узнал об успехе Ортье в этой рискованной затее. Василий был оправдан, но пока только официально. Люди об этом не знали. Помимо Ортье, информацию отправили живущей в Карелии сестре Василия, которой дали право на компенсацию.

Так как Яакко давно планировал рассказать о Василии и его жизненных перипетиях, то Ортье не хотел писать об этом, но пообещал и в дальнейшем расспрашивать боевых помощников Василия в случае, если у него появится какая-то новая информация.

Упрямство Ортье в отношении местного КГБ не осталось безнаказанным. Он был освобожден от исполнения своих обязанностей в Ухте. К тому же он попал под надзор. Однажды вечером один из знакомых пришел предупредить его о том, что в КГБ планировали сделать против него. Из ухтинских мужчин была сформирована группа, которая должна была следить за Ортье и раскрывать его враждебную по отношению к советскому обществу деятельность. Сообщивший об этом и сам был приглашен в эту группу. Благодаря предупреждению Ортье был какое-то время начеку, и последствий для него не было.

Поскольку в Советском Союзе не было официального понятия «безработица», то Ортье предложили работу ночного сторожа на одном из лесопунктов. В его обязанности входило присматривать за стоявшими там тракторами. Он отказался и длительное время был редким статистическим исключением из правил большого советского общества.

Невзгоды взрастили из него писателя. Когда в девяностых годах он узнал, что ему намереваются присвоить звание народного писателя, то сказал, что согласится на это лишь в том случае, если получит гарантию, что и Яакко Ругоеву незамедлительно присвоят такое же звание. «К Яакко это относится в первую очередь».

Реабилитация Василия Кириллова ускорила писательскую и исследовательскую работу Яакко Ругоева. В 1964 году он опубликовал на страницах газеты «Неувосто-Карьяла» («Советская Карелия») статью «На службе Отчизне», в которой рассказал о разведческой деятельности Василия в Вокнаволоке с осени 1942 до начала лета 1943 года.

Этот рассказ оправдал Василия в глазах народа и получил массу положительных отзывов как в газетных статьях, так и в письмах самому Яакко. Используя другие материалы, он дополнил рассказ и дал ему название «Двести пятьдесят шесть дней». Его опубликовали большим тиражом в русскоязычном журнале «На рубеже» (№ 6 от 1964 года).

Яакко сдержал данное самому себе обещание рассказать о забытом подвиге своего друга. Ущерб, нанесенный Василию, был только в какой-то мере возмещен. Вернуть ему жизнь было невозможно. К тому же большая аудитория, которая узнала о подвиге отважного разведчика, ос-

талась в неведении о дальнейшей судьбе Василия после его возвращения из опасного и утомительного похода.

Об этом нельзя было писать без документальных подтверждений, так как было понятно, что свидетелей тому не найдется.

Ортье опять предложил Яакко свою помощь. 30 ноября 1960 года, немногим больше чем через месяц после реабилитации Кириллова, он написал из Ухты в Петрозаводск Яакко следующее: «Сестра Василия Кириллова уже получила все бумаги о нем. На этой неделе отправлю письмо секретарю областного комитета Сенькину и попрошу помощи в получении бумаг, касающихся его работы. Если это не поможет, то придется обратиться к товарищам из Москвы.

Кириллов был арестован 14 октября 1943 года, и приговор вынесен 12 февраля 1944 года. Я тут задумал написать тебе гневное письмо, в котором хочу отругать тебя как писателя за то, что ты не сделал всего необходимого, чтобы рассказать о подвиге Кириллова. И потом ты пошел бы с этим письмом к Сенькину и показал бы ему это письмо. После этого тебе, может быть, дали бы разрешение получить доступ к этим бумагам. Если ты согласишься, то я напишу».

Как можно было догадаться, Яакко не согласился. Ортье тем временем шел своим путем. Сначала он получил из архива копию документа, который был сделан тогда, когда Кириллову вручили орден Красного Знамени (8.07.1942). Там был указан номер войсковой части (4082), в которую входил Василий. Он написал командирю части и получил ответ, датированный 28 октября 1962 года, что документы находятся не у него, а в архиве пограничных сил КГБ. Ортье написал и туда и получил через месяц ответ, что у них нет запрашиваемой информации. Дорога к получению сведений о смерти Василия была закрыта.

В то же время Яакко со своей стороны продвигался вперед с помощью людей. В июле 1961 года он беседовал с Окахвие Мякеля, которая рассказала, что ее и других помощников Василия допрашивали осенью 1944 года. От нее добывались признания в том, что финны знали о нахождения Василия в Вокнаволоке.

Допрос проводился на карельском, так как Окахвие плохо знала русский язык. Следователь повторял без конца переводчику: «Пиши, пиши, что признает». Окахвие была возмущена тем, что в действительности ее не хотели даже выслушать, и отказалась подписать протокол допроса.

В папке Яакко под названием «Эпилог» среди переведенных на русский язык протоколов допроса Анни Маликиной нашлась также датированная Яакко 30 января 1964 года записка, куда он вписал карандашом следующее:

*«Подозрения начались из-за:
– Перерывов в работе радиопередатчика
– Просил, чтобы не присылали
всего продуктового провианта
– Где жил, откуда получал*

...

Пробелы в легенде

– Почему ушел без разрешения».

От кого Яакко записал эту информацию, остается неизвестным. Она может быть основана на тех данных, которые ведут дело «пособников» Василия следователи «слили» своим подследственным, или же Яакко просто сам трактовал так возможные основания для обвинения. В то же время этому противоречит сделанная на этой же самой бумаге пометка: «Заставили, начал писать «признания», подтвердил их даже в суде».

Также еще одна пометка подтверждает, что Яакко слышал записанное им от кого-то, кто каким-то образом был в курсе дел: «Судьба разв. такова, что редко умираешь своей смертью – здесь или там. Также провожали «до места».

Эти выражения могут отражать и чей-то рассказ, что Василий в какой-то ситуации сказал первую фразу, и то, что кто-то донес на Василия его обвинителю.

При более пристальном изучении кажется, что записку написали во время телефонного разговора, с чьих-то слов. На это указывают сокращения, а также заключенные в скобки выражения на русском языке, написанные в конце некоторых абзацев.

Деятельность разведчика, действующего на лобной подпольной работе, не может строиться без доверия, а штабы следственных органов, напротив, строят свою работу на сомнении, недоверии. Для аналитиков, построивших карьеру в шпионских организациях, нет ничего святого. Они подвергают сомнению всю полученную информацию, если хоть один незначительный факт выделяется из заранее тщательно выстроенной модели действия. Слово «человеческий» настолько же чуждо им, как привычно выражение – «все можно купить». Они части механизма, который остается единым целым лишь с помощью того, что никто никому не доверяет и под подозрение попадает все, находящееся вне этого механизма. В их мире устранение ошибки на ранней стадии является лучшим решением, нежели достижение высшего результата под угрозой возможной

ошибки. Их единственным чувством является чувство правомерности собственных решений, даже если с точки зрения действительности они ошибочны. Творчество ограничивается иногда невероятными обоснованиями для объяснения возникших у них подозрений. Считая себя центром механизма, они на самом деле являются лишь орудием для расщепления нежелательных элементов.

Засланные в тыл разведывательные группы, а также разведчики, работающие в одиночку, являются самыми незначительными единицами большого механизма, ничтожнейшими в иерархии. Так и в записанных Яакко Ругоевым интервью из уст рядовых солдат часто звучит следующее о приказе отправиться в поход в тыл: «Война есть война, а солдат есть солдат», «Если поступит приказ, то выполняю его», «Делаю то, что приказано».

С позиции штабных разработчиков операций, отправляемые на задание мужчины, как, впрочем, и женщины, являются лишь материалом, пешками, которыми манипулируют. Пешки не должны двигаться по незапланированной траектории, даже если эти своевольные передвижения способствуют победе в игре. Перестановки, противоречащие правилам, нервируют главный механизм, который считает, что никакой другой, кроме заданной, траектории действий не существует, иначе в противном случае пешка удаляется из игры. Отдаваемый ими командиру отправляемой на задание группы подчиненных приказ: «Если ситуация не соответствует плану и выходит из-под контроля, то действуйте по обстановке» – означает лишь самоуничтожение, выход с игровой доски, а не активные действия. Они не любят смешивания их карт. Известие о противодействии их планам заставляет их снимать пистолет с предохранителя. И тогда они, стремясь первыми заполучить славу разоблачителя, выпускают паука своих подозрений прясть сеть для поимки добычи.

Для штабных офицеров, занимающихся руководством операции, Василий Кириллов был слишком талантлив. Он слишком хорошо выполнял приказы даже в опасных ситуациях. С их точки зрения, Василий решал сложные, а порой кажущиеся невозможными проблемы чересчур легко.

Василий сообщил о разряженных батарейках и попросил прислать новые. Тем не менее он возобновил передачи еще до того, как получил новые батарейки. И позже радиосвязь временами прерывалась, но возобновлялась и без новых поставок батареек.

Так как Василий запретил посылать себе продуктовый провиант, оперативное руководство было озадачено вопросом, откуда Василий доставал еду

для своего длительного пребывания в тылу врага. На оккупированной территории не было достаточного количества продовольствия, так как колхозы были развалены и в ходу были карточки с минимальным набором и количеством продуктов.

Хуже всего для Василия было то, что он не исполнил данный ему приказ в точности. Ему было разрешено контактировать только с ближайшими родственниками, которые благодаря кровным связям никогда не выдали бы засланного разведчика, что раньше было уже проверено. Все другие «свои», оставшиеся на завоеванной территории, были под подозрением. Никто не знал, остались ли они там по своей воле или просто не смогли оттуда сбежать. Василий же рассказал о своем пребывании там не только одной семье, а связывался со многими людьми и давал им задания, не спросив на то разрешения у штаба. Все же офицеры штаба не могли сказать, что информация Василия была ложной. С помощью этих данных был уничтожен, например, отряд разведчиков, но это же могло быть только замыслом врага, чтобы засланный разведчик смог сохранить к себе доверие. Его могли разоблачить и завербовать, оставив в живых, чтобы выполнить уже другую задачу после возвращения назад. В этом случае он смог бы нанести большой вред, а «маленькие» жертвы были даже необходимы для введения врага в заблуждение.

Быстрое исчезновение Василия из Вокнаволока без приказа и разрешения – и даже без предупреждения – было отягчающим его вину обстоятельством. Пешка, которая выдвинулась вперед в тыл к неприятелю, стала офицером, который сам решает, куда движется без контроля со стороны штаба, считавшего все происходящее вопреки планам опасным или, по крайней мере, подозрительным.

Легче было удалить Василия из игры, чем посылать его на новые задания.

Яакко продолжал собирать материал, среди которого попадались интересные находки, к самому делу, впрочем, не относящиеся. Такой находкой стала бумага, попавшая в руки одному ученому в архиве Института языка, литературы и истории. Бумага содержала рассказ о жизни одной из самых талантливых исполнительниц рун прошлого столетия Марии Ремшу. Рассказ был написан на искусственно созданном карельском языке в 1939 году. Ученый послал копию текста Яакко, так как автором рассказа являлся Василий Кириллов. Он тоже занимался сбором фольклора (!) и делал это в то время, когда собирать такой материал и оформлять его письменно было крайне сложно из-за «нового языка».

Рассказ о жизни рунопевицы Марии Ремшу, записанный Василием Кирилловым, сыном Агея, в Вокнаволоке в 1939 году от Марии Ремшу

« – Я родилась в среднезажиточной крестьянской семье в 1859 году восьмым ребенком. После меня родилось еще столько же – восемь детей, всего было шестнадцать детей. Мама, будучи двадцатилетней, родила уже пятого мальчика. Но все сестры и братья умерли в детстве. Старшая сестра жила до двадцати трех лет. Я осталась одна у мамы и папы.

Меня восемь раз сватали, но я всем отказала – только за девятого жениха пошла замуж. Тогда мне было 27 лет.

Мама умерла, когда ей было 93 года. Вечером, когда она собиралась спать, еще сказку рассказала, а перед полночью уже умерла.

У меня многие спрашивали, где я научилась петь руны. Для этого не нужно было ходить в особенные школы. Мама, когда качала колыбельку, напевала колыбельные песни, а я на полу сидела и слушала – вот и запомнила.

Мария сама рассказывает.

– Раньше было очень хорошее время, когда я была в твоём возрасте. Сегодня человек даже поверить в это не может. У нас не было ни часов, ни керосиновых ламп, ни пил. Хорошо помню, как крестный, придя из России, удивил нас, когда начал делать чай с углями. Это был самовар. Смотрим: не нужно делать ничего, кроме как положить в воду угли, так долго ждать не надо было, как чай был готов. Но мы все же заметили, что он не пологил вместе воду и угли... Еще более удивительным казался висевший на стене и издававший звуки предмет, у которого внизу качалось что-то, подвешенное на железной проволоке и похожее на часть от банки. Крестный называл это «часами». И какой смысл в тикании, думали мы.

Крестный старался нам объяснить: «Когда эта стрелка дойдет до самого верха, тогда наступает полдень. А когда она опускается вниз, тогда приходит вечер».

Самого большого чуда мы еще не видели. Крестный взял бутылку и налил из нее «воды» в жестяную банку, заткнул ее тряпкой и зажег тряпку. «Это дьявольские проделки, раз вода горит», – удивлялись мы, не смея даже подойти поближе.

Вот такая темная жизнь была тогда в Каменном Озере, когда я была твоего возраста.

Еще одна вещь запомнилась мне, когда началась война и всех молодых мужчин забрали на фронт. Оттуда быстро можно было вернуться, если были

деньги. Заплатил 300 рублей и остался дома. Зажиточные тогда могли улизнуть от службы.

Было то время и прошло. Сейчас совсем другое время. Тогда и представить нельзя было, что, когда состарюсь, как вот сейчас мне 78 лет, так меня на машине в Москву повезут.

Раньше я много раз была в Петрозаводске, один раз в Москве и два раза в Ленинграде. Меня один раз наградили ценной наградой.

«Я состарился в заботах, жизнь прожил других я раньше...» – говорила поговоркой Мария».

Было понятно, что Василий Кириллов, возвратившись из разведки, до заключения находился под подозрением и слежкой. Об этом свидетельствует вышеупомянутая записка, написанная Яакко, по всей видимости, во время телефонного разговора. Вдобавок к уже рассказанному мною в записке в круглых скобках было написано: «Начали расспрашивать в плане пр.» (пропаганды). Большими буквами среди прочего текста: «Здесь, что ли, терпят голод, там всего хватает. У хозяйки две коровы, нормы и т.д.».

По всей видимости, эти сведения были добыты у товарищей Василия, с которыми он общался после своего возвращения и которым он простосердечно рассказал о своем пребывании в Вокнаволоке. Все его слова были позже использованы против него – отдельно от контекста – в определенных целях.

Скорее всего, источником для Яакко была женщина, входившая с Василием в один отряд, с которой он встретился до заключения под стражу и у которой позже спрашивали о Василии. В записке есть еще одна запись: «После возвращения хвалились перед девочками, что где-то растет наследник».

Достоверность такого заявления проверить нельзя, хотя, возможно, в рассказах вернувшихся из разведки это могло быть мужской похвальбой, преувеличением и приукрашиванием подвига во время выполнения задания – возможно, по инструкции. Даже если похвальба Василия была беспочвенной, все же есть и некоторые данные, которые намекают на то, что такое могло быть на самом деле. Об этом рассказывается в письме Майкки Торвинен, посланном Яакко (10.12.1964).

«Вспоминаю войну с начала. Наша семья распалась в самом начале войны, как и многие другие семьи. Мужчины ушли в лес, а женщины и дети остались дома, также в колхозе остались коровы и кое-какое имущество. Когда мы пришли на наше озеро, то стали жить вместе с семьями доярок Симаны Лауронен и Фероссы Липкиной. С финнами встретились на берегу Кююреля. Они приказали

нам идти по домам и продолжать спокойно жить. Им приказано было быть предельно вежливыми с нами. Мы предприняли попытку вытащить наших мужей из леса, но из нашей затеи ничего не вышло. Пришлось выживать своими силами. Мама стирала дома одежду солдат. Мне пришлось идти на работу в коровник. В нашу деревню привели русских солдат. Они работали только в деревне.

Когда мы проходили недалеко от русских, старались как бы нечаянно обронить что-то для них. Ходили за травой туда, где работали пленные, в корзинах относили им хлеб. Осенью, когда было холодно, я спрятала рукавицы в картошку, которую собирали пленные. Они внимательно следили за нашими действиями. Я работала с одним пленным солдатом в хлеву. Осенью по темноте не пошла домой, а осталась ночевать у тети Окохвие. Было темно, и шел дождь. Мы уже легли спать, когда в дверь постучали. Человек назвался Василием, сыном Агея. Василий зашел в избу и начал говорить. Я сначала не поняла, откуда он пришел и зачем. Я из-под одеяла выглядывала посмотреть, кто это пришел. Я видела, что на нем была одежда русского солдата. Я опять натянула одеяло на голову и лежала, пока меня не позвали читать письмо, которое как будто написал зять тети Окохвие из России. Потом Василий признался, что он сам написал это письмо. Через две недели я опять осталась ночевать у тети Окохвие. Смотрю с удивлением, как дверь начинают закручивать веревкой. Я попыталась понять, что это тетке вздумалось делать такое, и тут в избу зашел Василий. У меня глаза округлились, что кто же этот путник. Затем вспомнила, что это тот человек, что тогда приходил. Я же думала, что он давно уже ушел.

Приближался Новый год. Тетя Окохвие позвала меня в гости. А Василий позвал своего брата. Так мы с Алексеем пришли одновременно к ним в гости. Василий вылез из подпола в одежде Деда Мороза. Он дал подарки Алексею и начал рассказывать, как он сюда добрался на самолете. Алексей слушал и ничего не говорил. Мне было неудобно. Я начала расспрашивать о том, как он добрался, о делах, о планах. В конце концов мы поняли, что этот разговор – игра. Василий обещал и мне подарить подарок. В тот вечер мне пришлось играть в игры, организованные Василием. Через две недели Василию нужно было помыться. Пришлось попросить всех выйти за дверь, когда Василий мылся. Хозяйка с другой половины дома была в хлеву, тогда ее дочери пришли и забрали меня к ним ночевать. Я всегда оставалась на ночь у тети. Василий часто спрашивал, как у меня дела. Как-то, когда домашние легли спать, мы с Василием сели за стол играть. Я рассказала ему о том, что была в конфир-

мационной школе. Он спросил с удивлением, для чего нужна конфирмационная школа. Я объяснила ему, что без свидетельства об окончании конфирмационной школы священник не обвенчает. В следующую нашу встречу у меня было хорошее настроение. Он заметил мою улыбку. Когда мы опять остались сидеть за столом и играть, он выпросил у меня мой секрет. Я призналась, что меня сегодня обвенчали. Он понял, что я говорю чушь, поэтому игриво ответил: «А я думал, что ты станешь моим спутником жизни, выходит, зря размечтался». Я обиделась на него. Почему говоришь обо мне как об умершей? Я же жива и здорова. Василию я объяснила, что человек венчается один раз в жизни. Он спросил, с кем я обвенчалась и где. Я сказала, что меня обвенчали в доме. Я стояла во главе стола, а священник стоял сбоку и смотрел на стену, где было изображение Бога. Он спросил, кто стоял со мной рядом. Я сказала, что не было никого. Священник читал свои книги и стоял передо мной. Наконец Василий спросил у меня, почему я отказалась от спутника в постели. Я ответила, что у меня нет в кровати никого, кроме моей сестры. Хоть сестра и младшая. Василий ничего не понял из моих объяснений. Он начал надо мной подшучивать. Ах вот как тебя, значит, обвенчали. Только тогда я начала понимать, что все перепутала. Я начала извиняться, что сказала неправильное слово. Меня же покрестили, а не обвенчали. Он меня поругал, как ты могла перепутать такие слова. Хоть слова и похожи, но значение у них совсем разное. Он прогнал меня, чтобы совсем не рассердиться. Мне пришлось залезть в свою кровать.

Василий похудел и изменился. В то время его радио не работало. Он выглядел расстроенным. Однажды тетя Окохвие, придя на работу, принесла мне письмо от Василия. В тот день опять топили баню. Василий попросил разрешения, чтобы я спустилась в подпол послушать радио. Но я и не сопротивлялась. Я понимала, что там должно быть какое-то другое дело. Я осталась у них на ночь. Когда дверь завязали веревкой, довольный Василий вылез из подпола. Тетя накрыла ужин на стол, и мы собрались кушать. Василий сказал, что у него именины. После ужина Василий спросил разрешения не ложиться спать до двенадцати. Когда нам сказали идти спать, Василий стал просить меня спуститься в подпол. Я сказала, что не пойду так поздно, надо было раньше просить. Василий рассердился и спустился в подпол. Тетя поднялась с постели и пошла к подполу. Она попыталась заставить Василия лечь спать. Василий сказал, что не пойдет спать, пока я не спущусь к нему. Я пообещала спуститься, если тетя не даст мне быть там долго. Я

спустилась в подпол и надела наушники, в которых Москва передавала гимн. На этом я закончила слушать. Тетя уже торопила нас выйти оттуда. В избе Василий пошел спать. Тетя начала сердиться, так как ей не давали отдыхать. Она сказала Василию спуститься и не переваливаться, как утка. Так Василию пришлось подчиниться. А мне стало смешно от тетиной суеты. Василий мне палец показал, что зачем я вмешиваюсь в дело тогда, когда нужно бы промолчать. За столом Василий положил на тарелку скрученные папиросы. Я начала его ругать, а он стал защищаться: «Пьяные так всегда делают». Я рассердилась: «Когда ты опьянел-то?» – «Окохвие добыла бражки на день рождения». За стеной финны гнали бражку. Тетя стащила у них бутылку.

Весной Василий звал меня с собой на российскую сторону. Он ушел неожиданно для всех. Тогда и мое исчезновение вызвало бы погоню. Так я осталась дома.

Пока. Майкки Т.Н.».

В следующем письме (7.01.1965) Майкки отвечает на вопросы Яакко. В письме также выясняются обстоятельства побега Василия.

«Больше о Василии ничего не помню. Ты спрашиваешь о том, как он относился ко мне. Я тоже задаюсь этим вопросом. С моей стороны я не понимаю этого. Тогда у меня такое было впервые. Он не говорил о том, был ли он заинтересован во мне или нет. Я и не спрашивала об этом, так как знала, что у него много девушек было. И мне не хотелось вмешиваться в ситуацию – и торопить его. У меня нет никаких воспоминаний о нем. Как будто это было с другими людьми.

Василий как ушел от нас, так я услышала потом, что ему посчастливилось сбежать. Финские солдаты рассказывали: когда они приехали из Толлойоки в Вокнаволок, собака взяла след русского, но сразу же подорвалась на mine. После смерти собаки преследовать русского перестали. Солдаты, как вернулись в Вокнаволок, не сообщили командиру, чтобы их не отправили опять в лес.

А больше ничего не помню. У меня сейчас жизнь спокойная. Вот бы такая жизнь была всегда.

Когда Василий пришел, я натянула одеяло на голову и не слышала, о чем они там с тетей говорили. Поэтому я и удивлялась. Ротонен М. было где-то 40 лет. Мари никогда даже в шутку не говорила и не участвовала в играх. Ротонен хотела, чтобы Василий был с ней всегда. Мари ревновала его ко мне. А я, когда видела все это, только смеялась».

В ходе тщательной исследовательской работы Яакко Ругоев выяснил, что Василий Кириллов был на самом деле герой. Прятаться в захваченной деревне в течение двухсот шестидесяти пяти дней, несмотря на трудности, добывать и передавать важную информацию, к тому же так и не попасться в руки врага – это было достижением, которое трудно переоценить, особенно принимая во внимание тот факт, что у финнов была эффективная двойная, друг от друга не зависящая система контроля захваченной территории, где очень четко отслеживались настроения населения и возможные связи с противником.

Жаль, что школа Вокнаволока и средняя школа Калевалы не названы в честь Василия Кириллова.

Стимулом к проведению расследования для Яакко служили не только дружба с Василием, детские воспоминания и юношеские переживания. Это я понял, случайно найдя папку, в которой были письма Василия к Яакко из заключения.

Почти сразу после возвращения Василия из Вокнаволока через леса на свою территорию Яакко получил от Василия почтовую карточку. Представляю эту карточку, написанную карандашом рукой Василия.

Почтовая карточка. Печать полевой почты
от 21.06.1943,

Печать почты г. Беломорска от 29.06.1943,
печать военной цензуры /13

Адрес: К-ФСФСР, г. Беломорск

Редакция газеты «Тотуус», военному
корреспонденту Ругоеву Якову Васильевичу

Отправлено: Полевая почта 42265 г

Содержание:

....(название города стерто) 20/06-43

«Мой лучший друг Яакко!

Наконец-то после долгого перерыва у меня появилась возможность поприветствовать тебя. Встретил вчера на танцах Матвееву, которая рассказала, что ты считаешь меня пропавшим. И это предположение не является безосновательным. Но хотя все мои знакомые, как, впрочем, и я, удивляются, все же я еще жив, ротозейничаю тут на пирушках. Живу в гостинице, в отдельном номере. Вообще – живу как господин. Что до прошлого, то скажу, что прошел моря и земли, но не стану рассказывать здесь о том, что делал и что видел на пути, об этом расскажу как-нибудь попозже.

С приветом, твой друг Василий.

Напиши же, и быстрее! Если добудешь конверты, пошли в письмо. Может, вскоре увидимся!»

Следующее письмо пришло от Василия чуть более чем через полгода, в феврале 1944 года. Он проставил дату на письме – 10.02.1944, то есть за два дня до того, как военный суд принял решение по его делу.

Василий написал письмо, потому что Яакко, который в то время жил в Беломорске и работал корреспондентом в газете «Тотуус», случайно увидел его в строю заключенных, когда они возвращались с работы в тюрьму.

Письмо было написано карандашом на белой бумаге, вырванной из тетради. Конверт был сделан собственноручно из коричневой шершавой бумаги. Адрес был написан карандашом.

Печать г. Беломорска: 16.02.44-4.

Печать военной цензуры /17

Адрес: г. Беломорск, ул. Пионерская Н=2

Ругоеву Якову Васильевичу

Отправитель: г. Беломорск,

п/я 366 ИТК Н-1

Кириллову В.А.

Письмо сохрани!

10.02.44

«Мой дорогой друг Яакко!

Наша сегодняшняя встреча, думаю, для тебя была большой неожиданностью. Хотя, возможно, ты уже слышал, что летом я попал в руки государства.

Мое нынешнее положение, конечно, крайне неприятно, но думаю, что это ненадолго – жду в этом деле изменения.

Яакко, дорогой! Ты не можешь себе и представить, сколько страданий мне пришлось испытать вследствие неправильного толкования фактов, которые на данный момент не выяснены – или, правильнее сказать, выяснены, но с неправильной точки зрения. Дело в том, что меня обвинили в том, в чем я не виноват. Конечно, все выяснится, не раньше, так позже, тогда, когда определенные люди придут и дадут объяснения перед моими обвинителями.

О прошлом скажу пару слов: 8 августа я попал под подозрение, 15 октября меня официально задержали и отправили в тюрьму, где меня допрашивали до конца декабря. Допрос продолжался в течение пяти месяцев: с августа по декабрь. В конце концов мне пришлось взять на себя вину за дело, в котором я невиновен, а именно в шпионаже со стороны врагов. Приговор еще не оглашен, дело находится в Москве на рассмотрении специальной комиссии. Скорее всего, вынесут приговор, но после того, как все выяснится, он изменится.

Не знаю, смогу ли я вернуть свое прежнее положение, но ожидаю по крайней мере изменения

ситуации в лучшую сторону. Но это может занять долгое время.

Не поверишь, Яакко, как сильно я ослаб физически. Остались кожа да кости. Силы не осталось совсем. Здесь, в лагере, я уже второй месяц и, думаю, пробуду до весны. Ходим на работу когда куда.

Яакко, дорогой! Как бы неприятно мне ни было, но прошу у тебя помощи в моей нынешней ситуации, а именно, если можешь, принеси мне табака и, если можешь, что-нибудь съестного. Не думай, что ты помогаешь врагу! И близко такого нет!!!

Если ты согласишься мне помочь, принеси пакет охранникам в лагере (лагерь находится рядом с вокзалом). Там пакет передадут мне прямо в руки.

Если тебе когда-нибудь случится случайно меня встретить, когда мы возвращаемся с работы, сунь мне в руку немного табака. Сейчас мы постоянно работаем в здании кинотеатра и делаем там бомбоубежище. С работы возвращаемся около 4-5 вечера.

На этом все.
С уважением. Василий».

Сразу же после получения письма Яакко передал Василию то, что тот просил. Среди записок есть оригинал описи передачи на русском языке, который подписал Василий. Яакко передал своему другу табак, а также хлеб и консервы. Встретиться с Василием не удалось, поэтому на описи Яакко написал: «Опись передачи переданных мною продуктов через главную охрану Василию Кириллову».

Опись передачи:

Кириллов Василий Агеевич от Рубая (?) Я. В. пр.
(-оживающего) гор. гостиница.
1) Табак 10 – гр
2) Консервы 225 гр
3) Хлеб 30 – гр

18/02-44 г. По описи получил
В. Кириллов
(Собственноручная подпись карандашом)

Последнее сообщение, которое Яакко получил от Василия, было написано на маленьком клочке бумаги размером 10x12 см. С одной стороны бумага была оторвана. Это письмо было свернуто два раза так, что размер был не больше спичечного коробка. Конверта не было. Яакко сам сделал отметку на бумаге, которая прикреплена к оригиналу письма скрепкой: «Пришло в редакцию «Тотуус» (или доставлено – кто-то доставил, пока я был в командировках)».

«19.02.44.

Добрый день, мой друг Яакко!

Прежде всего хочу от всего сердца поблагодарить тебя за посылку, которую я получил вчера вечером. Мой дорогой друг! Ты и представить себе не можешь той радости, которая наполнила меня в момент, когда я увидел, что ты правильно понял ситуацию, в которую я попал как жертва непонимания. Также можешь представить себе то физическое наслаждение, которое дала мне твоя драгоценная передача через минуту после того, как она попала мне в руки.

В остальном жизнь моя не изменилась. Как физическое, так и душевное состояние день ото дня становится все хуже. Ноги с трудом несут меня с работы «домой». Нервы совсем сдали, так что даже не хочу ни с кем разговаривать. Единственным моральным облегчением является надежда на изменение моей ситуации в будущем.

На этом заканчиваю. Написал сестре Анни, чтобы она послала что-нибудь, но думаю, что у нее самой ничего нет. Все же жду.

Еще раз благодарю тебя от всей души за посылку.

С уважением. Василий».

О чем думал Яакко, когда увидел Василия в ряду заключенных и получил от него вышеприведенные письма? Верил ли он в невиновность Василия? Боялся ли он, что сам попадет под подозрение, имея связь с подозреваемым в шпионаже?

В любом случае он сразу же отреагировал на просьбу друга и отправил ему табак и еду.

По всей видимости, в момент отправки письма с благодарностью Василий не знал о том, что за неделю до этого участь его была уже решена, ему вынесли приговор. Приговор был вынесен в Москве, а почту в то время доставляли не очень-то быстро.

Когда Василий умер и как? Когда Яакко узнал о его смерти? Об этом нет сведений. Все же, что бы ни думал Яакко, это дело его не оставило. Почти через год после последнего письма Василия Яакко получил письмо от сестры Василия Дарьи.

«Кургиева 14/01 – 1945.
Здравствуй, Яакко!

Только начался 1945 год, пусть он принесет вам, молодой, только начавшей жизнь паре, счастья! Яакко, ты, конечно, удивляешься, от кого это письмо. Письмо от Дарьи Кирилловой.

Яакко, уважаемый! Я обращаюсь к тебе за помощью. Пожалуйста, будь добр и напиши мне сразу же, знаешь ли ты что-нибудь о моем брате Василии. Я очень расстроена и переживаю за не-

го. Мы ничего не слышали о нем после твоего рассказа об Алексее летом. Где мой брат дорогой, может быть, умер или еще жив, и если жив, то где, в каких условиях живет?

Мне так жаль его, и я так скучаю по нему, что и день не могу прожить, не думая о нем.

Увижу ли я еще его живым, а не только на фотографиях, которые он мне часто дарил, когда мы были вместе.

Яакко, от себя и от имени брата прошу от всего сердца: будь добр, помоги нам, узнай, где мой брат и как он, и пошли его адрес мне.

Я работаю учителем здесь, в деревне Кургиева. Алексей в армии.

Не могу больше писать. Жду вашего ответа.

С самыми теплыми товарищескими пожеланиями. Дарья.

Мой адрес: Калевальский район, деревня Кургиева, неполная средняя школа Калевалы, Кириллова Дарья Агеевна».

На это письмо Яакко не ответил, или, по крайней мере, ответ не дошел до Дарьи. Она не сдалась.

«Кургиева 17/02 – 1945.

Здравствуйте, Яакко!

Я писала Вам, но так как не получила ответа, пишу во второй раз. Получили ли Вы мое первое письмо?

Будьте так добры, Яакко, ответьте мне сразу после получения моего письма. Я так переживаю, что нет ни сведений, ни писем ни от кого из моих братьев. Из-за моего брата Василия переживаю больше всего. Яакко, у Вас нет о нем никаких сведений, жив ли он или умер? Яакко, будь добр, пожалуйста, узнай о нем или посоветуй мне, куда я могла бы написать. Я очень сильно за него волнуюсь. Если у тебя есть какие-то сведения, не таи, даже если и знаешь, что он умер. Тогда не искала бы, не ждала бы больше ни его, ни писем от него. Так трудно ждать и не получать никакой информации. А он был такой хороший и приятный парень, тем более что брат мне, очень дорогой и любимый. Часто смотрю на его (и также твои) фотографии. Тогда мы все время были вместе. Вы были хорошими друзьями, приятно на вас смотреть и вспоминать. Где же может быть мой брат сейчас? Напиши, Яакко, узнай, что бы ни узнал, напиши мне. Я буду ждать. Верю, что ты понимаешь меня и сделаешь все возможное, чтобы выяснить это. Я помогу тебе, если когда-то вдруг будешь нуждаться в моей помощи.

Яакко, не обижайся, хоть я в своем письме обращаюсь то на «Вы», то на «ты». Это потому что к тебе

вроде нужно обращаться на «Вы», но в то же время мы знакомы и ты младше меня, так слово «ты» подходит больше, оно более близкое.

Это я так, к слову. Я работаю учителем в младших классах в деревне Кургиева. Время с детьми идет достаточно быстро, но и тогда я вспоминаю родных и школьных товарищей, не могу забыть о них. Я благодарна, что сейчас у нас свобода, своя страна, свои советские учителя. Это совсем другая жизнь, чем та, когда мы жили «на земле освободителей».

Заканчиваю. Жду ответа.

С самыми теплыми товарищескими пожеланиями, Дарья А. Кириллова».

На это письмо Яакко ответил и, по всей видимости, рассказал все то, что сам знал о Василии.

Письмо Дарьи было написано за три дня до официальной даты смерти Василия в его свидетельстве о смерти, где причиной смерти значится «сердечный приступ». Совсем другой вопрос о том, когда на самом деле и как Василий умер. Отвечая Дарье, Яакко никак не мог знать о судьбе Василия.

Отвечал ли Яакко сразу или только после окончания войны, то есть после 9 мая 1945 года, остается неизвестным. Следующее письмо от Дарьи было написано в июне 1945 года.

«Кургиева 22/06 – 1945.

Здравствуй, Яакко!

Опять пишу несколько слов.

Во-первых, благодарю тебя за письмо. Ответить на него я не смогла. Взяла и написала в Москву о своих братьях, откуда получила ответ, а именно – бланк, который нужно заполнить для дальнейшего исследования дела. Но я не знаю ни частей, ни адресов, где были братья.

Яакко! Снова я обращаюсь к тебе с просьбой. Будь добр и пошли мне первый и последний адреса Василия, если знаешь их. И еще – Яакко, будь добр, попытайся каким-то образом узнать, жив ли еще мой брат Василий или умер. Яакко, дорогой! Помоги мне, узнай ответ хотя бы на мой последний вопрос. Посоветуй, что мне сделать, куда написать, чтобы выяснить это.

Может, когда-то и я смогу помочь тебе в чем-то.

Если когда-то окажешься в наших краях, добро пожаловать к нам, примем тебя как нашего брата Василия, ведь вы и были всегда как братья.

Мои братья Пекка и Пааво пропали. От Алексея было последнее письмо в январе, когда он должен был участвовать в большом сражении. Он написал: «Завтра померяемся силами, если останусь жив, сразу напишу, если письма не будет, значит, меня нет в живых». И после этого письма не было. Жаль

всех погибших, но своих каждый жалеет больше всего. Особенно скучаю по Василию.

Если Алексей погиб, то погиб в сражении, также и другие братья. Но он, почему ему нужно было умереть? Не буду продолжать, иначе будет совсем грустное письмо.

Яакко, ты понимаешь мою ситуацию и это дело. И мою скорбь легко понять. Верю, что не откажешься помочь, если это в твоих силах. Не прошу слишком многого, но что можешь, сделай, Яакко.

Весна пришла и лето, но очень холодно и дождливо. Экзамены идут. Мой предмет будет последним.

Десятого июля выйду в отпуск, поеду в Пирттилахти. Приезжай к нам тогда, когда и я буду дома. Пиши (на домашний адрес).

Жду.

Всего хорошего.

С большим приветом, Дарья.

Напишу здесь вопросы из бланка, если можешь, ответь на них:

1. Воинское звание.
2. Занимаемая должность в Красной армии.
3. Когда отправил последнее письмо?
4. Его адрес на службе по последнему письму: номер полевой почты.
5. В какие войска его отправили и когда?»

Братья Василия Пекка и Пааво погибли на войне против Финляндии. Брата Алексея, который помогал Василию в Вокнаволоке в сборе информации, призвали в армию после окончания войны с Финляндией, и он пропал в сражении, о котором писал до этого в письме своей сестре. У брата Теппо, которого отверг собственный отец, так как он не вступил в колхоз, была такая же трагическая судьба, как и у Василия. Он в свое время пошел в военную школу, чтобы защищать свою родину – Советский Союз. Возможно, на выбор профессии повлиял тот факт, что в начале прошлого века в его родном краю, в Беломорской Карелии, кто только не ходил с оружием в руках. Финские отряды, «английский легион», а также «белые» и «красные» карельские военные отряды. Теппо видел, сколько ущерба эти беспокойные времена приносят обычным людям. Население пыталось приспособливаться, лавировать в быстро меняющихся условиях, чтобы выжить, тысячи карелов переехали или были переселены на территорию Финляндии. Тогда и Теппо оказался в их числе. В 1923 году он, как и многие другие, вернулся на родину после общей амнистии.

В тридцатых годах это непродолжительное пре-

бывание Теппо в Финляндии стало решающим в его судьбе. Тогда он уже вырос до офицера в егерской бригаде. Его расстреляли как «английского шпиона» 6 марта 1938 года, утверждая, что он участвовал в подготовке тайного заговора, которым руководил маршал Тухачевский и куда входили, в том числе, и лучшие офицеры из Карелии, вплоть до командира бригады Эйолфа Матсона.

Родных же Теппо уведомили о том, что он умер в результате паралича сердца в 1942 году. Поэтому и к официальной дате смерти Василия можно относиться настороженно.

Реабилитировали Теппо в 1956 году, как и многих других офицеров – жертв сталинских репрессий.

Сестра Дарья не дожидаясь известия о реабилитации брата Василия. Она умерла двадцатисемилетней от рака в 1945 году, в том же самом году, когда писала Яакко письма.

Из большой семьи Кирилловых с двенадцатью детьми после войны в живых остались только сестры Василия – Ваппу и Айно.

Судьба Ваппу тоже не была легкой. В своей книге Яакко рассказывает о ее жизни в двадцатые годы, о походах в Финляндию и о встрече с мужем после почти двадцатилетнего перерыва. После окончания войны с Финляндией в 1944 году Ваппу отправилась с сыном Теппо – сначала в Финляндию, затем в Швецию. Сын остался там, но Ваппу не понравилось жить в чужой стране, поэтому в 1961 году она возвратилась в Карелию, в родную деревню.

В шестидесятых годах, когда Яакко занимался сбором информации для книги, Ваппу не приняла его, сказав: «Мы под подозрением», о чем Яакко написал в записке.

Позднее Пекка, сын Ваппу, записал воспоминания матери о посещениях Василия во время его задания в Пирттилахти и отправил их Яакко.

Ваппу умерла в 1968 году.

Дольше всех прожила сестра Айно. Будучи уже в преклонном возрасте, она все еще с горечью вспоминала трагическую судьбу Василия. Это выражено в длинном стихотворении на родном языке, которое она послала Суло, сыну погибшего на войне брата Пекки. В 1975 году Суло передал стихотворение Яакко.

«Суло, письмо это только для тебя, может, ты как-то разберешь его. В школу я не ходила ни одного дня. С детства только работала.

Я очень по тебе скучаю.
Забывать тебя мне невозможно, брат.
Печаль изводит разум, я тоскую.
А где могила – мне не говорят.

Ты молод был и весел был тогда,
В те годы школьные, не зная,
Что будет вдруг нежданная беда,
Что посулит судьба тебе шальная.

Твой образ в самом сердце я храню –
Ты там всегда с поднятой головою.
Предательскую ложь во всем виню –
Коварная расправилась с тобою.

Как много их – невыплаканных слез.
Свою звезду напрасно я искала.
А горький дух воспоминанья рос.
В бессонницу глаза я не смыкала.

Из-за отца его отчислили из средней шко-
лы в Калевале, и он пошел учиться на сапожника.
Я тогда работала швеей.

Судьба твоя к тебе была жестока,
По вечерам сидел с работой ты
Учеником сапожника до срока,
Улыбка на устах, как ранние цветы.

В то время жить любил ты несомненно,
По жизни с радостью шагать.
Тогда со мною рядом был ты верно.
Теперь же - мысли о тебе оберегать.

Когда он и сестра Дарья ходили в школу, я не
отказывалась им помочь. Помогала чем могла,
деньгами, также шила им... Как могла, так и по-
могала.

Помню, как сшила из своего плаща Василию
джерси, и он был так хорош в этом джерси на
фотографии. Он обещал и обо мне вспоминать,
когда будет сам зарабатывать.

Обещание, брат, помню, смотри:
«Не забуду тебя, сестра».
Весть о смерти твоей – внутри
Поселилась тоска на века.

Почему жизни путь такой,
Нет ни счастья, ни полных дней.
Но об этом не знает другой,
Лишь хозяйка царства теней.

Прервалась молодая жизнь,
Кудри больше не выются вдали.
Притеснитель замолк. Брань
Не слышна уж больше в ночи.

Время тяжкое было, брат,
Камнем пало слово «шпион».
С твоим сердце забилось в такт:
Невиновен – но осужден.

В детстве рядом ты был всегда,
Лес и ягоды... Как во сне.
А теперь я совсем одна,
Птицы песни поют не мне.

Но красив этот летний лес,
Раны сердца залечит вновь.
Колокольчиков звон вдали...
Как звенит он в ушах до сих пор.

Наступает другая пора,
Полной грудью дышать я смогу.
Власть же тьмы настолько сильна –
Твою душу вручила врагу.

Смерть пришла в самый горький час,
Невиновный брат – осужден.
Да ответит душою тот,
Кто назвал тебя словом «шпион».

В Калевале есть школа твоя,
Имя гордо твое на двери.
Секции, соревнования -
Проводил свое время ты.

Молодые сейчас быстрее,
Песни с кантеле звонко поют.
И часы обновляют день,
Новый час каждый раз они бьют.

О, мой брат! Если б раньше знать,
Где закроются очи твои...
Сердце не перестанет ждать,
И не кончатся слезы мои.

О Василии вспоминали и в других местах, не
только в Карелии. После выхода статьи «Двести
пятьдесят шесть дней» на русском языке Яакко
получил в начале 1965 года письмо из города
Херсона. Письмо было написано сокурсницей
Василия по институту, которая оказалась наполю-
вину вепсянкой.

Уже далеко не юная женщина писала, что она лю-

била Василия и в течение тридцати пяти лет ждала его, поздно выйдя замуж за другого. В письме она вспоминает свою первую встречу с Василием.

«По субботам и воскресеньям у нас были танцы. Так, однажды ко мне подошел высокий статный молодой человек. На его лице были видны следы от оспы, тем не менее он произвел очень приятное впечатление. Он пригласил меня на танец. С той минуты мы не расставались весь вечер. Он танцевал восхитительно.

После этого мы начали с Васей в свободное время ходить кататься на коньках. Вася катался очень хорошо, и мы учились танцевать вальс на коньках».

Возлюбленная Василия рассказала о том, что она после войны прочитала в газете приказ о награждении его орденом Красного Знамени и безуспешно искала его. Она также написала, что они с Василием договорились, что он заберет ее после того, как отработает пару лет учителем на родине. Да ей и самой еще надо было окончить учебу на химическом факультете института в Ленинграде... Война спутала все карты.

Яакко ответил на письмо и почти сразу же получил длинный ответ, где Риитта, так звали подругу Василия, вспоминала его и проведенное с ним время и изливала свое горе: «Читая Ваш рассказ о Васе, я горько плакала, и, вспоминая его, мое горе стало совсем безутешным от того, что с ним произошло».

В следующем письме она написала еще откровеннее: «Поймите меня правильно – он был моей первой любовью... Я искала его всю войну, писала письма, но никто ничего не мог рассказать... Сейчас я замужем. У меня есть муж, но таких искренних чувств, как к Василию, я больше ни к одному мужчине не испытывала. Прошу Вас о том, чтобы эта информация осталась между нами, потому что мой муж очень ревнивый... Прошу прощения за откровенность. Но так хотелось поговорить с Вами о Васе, потому что Вы были его ближайшим другом и поэтому, уверена, поймете меня правильно».

Думаю, буду прав, сказав, что для Яакко дело Василия значило больше, чем просто оправдание друга и его воинской чести. К освещению судьбы Василия Яакко подтолкнула и личная этика.

В процессе изучения этой истории мне стало ясно, что в деле Василия Яакко пришлось пройти одно из самых трудных сражений с самим собой, став совестью своего народа. Увидев Василия в ряду заключенных и почти сразу же получив от него просьбу с протянутой к нему рукой, Яакко пришлось решать для себя: во что верить, кому доверять. И, наверное, надо было преодо-

леть сомнения – ведь и с ним самим может произойти нечто подобное, если он станет поддерживать связь с обвиненным в предательстве, с «врагом народа».

Перестав получать письма от Василия, ему снова пришлось решать, может ли он сделать что-то, и если он попытается, будут ли последствия для него самого.

Получив письма от сестры Василия Дарьи, он, должно быть, тоже мучился этими вопросами еще больше.

Чем больше времени проходило, тем более трудными и запутанными становились вопросы. Хотя уже тогда он, скорее всего, понимал, что повлиять на все происходящее он вряд ли сможет. А в роли писателя у него есть возможность рассказать не только о трагичной судьбе друга, но и обнажить имеющееся в людях добро и зло, так, чтобы в будущем таких кровавых драм можно было бы избежать.

Именно поэтому Яакко так трудно было обрабатывать накапливаемый материал. Он ожидал момента, когда бы смог приняться за дело, которое было для него Делом с большой буквы.

Большое количество материала увеличило список вопросов, а спустя время вопросы стали видеться в новом свете. Сразу же после войны было легче говорить: «ВОЙНА – это война», а позже, через поколение, стали говорить: «Война – это ВОЙНА».

Время следующего поколения, где, с точки зрения дела Яакко, мы находимся, приносит еще больше проблем. У взрослеющих молодых людей совершенно нет личного понимания войны и ее последствий. Определение: «Война – это ...» – для них открытый вопрос, который зависит не только от ситуации в мире, но и от информации предыдущих поколений, от того, каким содержанием они наполнили слово «война»: «плохая» или «справедливая», «кризис» или «приключение» и т.д.

Людям, испытавшим только мирную жизнь, такие истории о войне, как история о Василии Кириллове – со всеми относящимися к ней вопросами, – являются лучшим примером оценки того, что война значит для человечества. Они рассказывают как о войне, являющейся определенным механизмом, так и о людях – с их собственными жизнями, на которые оказали влияние действия других людей.

На войне наравне с вражескими силами воюют и противоречия между общим и частным. В условиях войны нелегко провести между ними границу, а после войны еще сложнее. Война дает право на такие действия, за которые в мирное время можно получить наказание. Такой материал накопился в отдельной папке Яакко – материал, относящийся не к Василию Кириллову, а к целой эпо-

хе. В документах из этой папки рассматривается деятельность организованных партизанских отрядов в родном краю. Не думаю, что уже пришло время их публиковать. Да и нет в историях, рассказанных Яакко самими людьми, ничего такого, что сильно отличалось бы от действий в военное время. Просто не все имена следует упоминать. Да и неправильно, по моему мнению, рассказывать, кто кого убил во время войны, в то время когда родственники как виновников, так и жертв еще живы. Если у чиновников есть желание заняться этим или они уже занялись – это их дело. В мои задачи это не входит.

Нет смысла также искать имена тех людей, которые участвовали в осуждении и убийстве Василия Кириллова. Ясно, что если эти люди еще живы, то мучимы боязнью разоблачения, даже если эта история с Василием и не лежит на их совести или если подобная история для них не одна-единственная. Часть этих людей несомненно была жертвами самой системы. Они попали в ситуацию, где нужно было выбирать между своей жизнью и жизнью другого человека.

Хотя в системе «по зачистке» наверняка были и такие, которые получали удовольствие, вытягивая из людей «признания» или собирая компрометирующую информацию на «врагов народа».

Поэтому можно спросить: разве не стоило бы вывесить на доску позора имена всех, участвовавших в таких преступлениях под прикрытием закона, а их

потомки или представители должны были бы сами оправдать их, если это возможно? Тогда они находились бы в том же положении, как и невинно убиенные, оставаясь навсегда отступниками.

Возможно, самое простое решение было бы самым справедливым. Вместо того чтобы заранее объявить преступниками всех, кто участвовал в судебной расправе, можно сообщить состав военного суда, имена обвинителей и осуществлявших допросы и т.д. Кто захотел бы обвинить или защитить их, смог бы это сделать. Предпосылкой к этому, естественно, являлась бы публичность документов – хотя бы для исследователей.

В соответствии с имеющимися у меня документами, судопроизводственных материалов по Василию Кириллову «не найдено». Когда я начал писать этот эпилог, я уточнил у Ортье Степанова, который добыл эти документы, на самом ли деле оригиналы еще не получены. «Да, – ответил Ортье и добавил: – И их никогда оттуда не получить!»

Когда сведения находятся под замком, правда может быть рассказана через искусство и литературу.

Перевод с финского Ольги Зайцевой

□

Маркку НИЕМИНЕН (Markku Nieminen)

родился в 1945 году в Пори (Финляндия).

Окончил Хельсинкский университет,

работал учителем, социальным работником.

В настоящее время живёт в городе Кухмо.

Занимается литературной и общественной работой.

Автор романов «Предки в Финляндии, сердце в Карелии» (1992), «Письма века» (1997), нескольких сборников стихов и афоризмов, сценариев для мультимедийных программ и детских кинофильмов.

Лауреат различных литературных премий.

В 1992 г. ему присвоено звание заслуженного работника культуры Республики Карелия.

Более 30 лет Маркку Ниеминен осуществляет свою подвижническую деятельность в Республике Карелия.

Он основатель и глава фонда «Jitinkeko» («Юминкеко»), который базируется в информационном центре Калевалы и карельской культуры в городе Кухмо (Финляндия).

Фонд способствует возрождению карельских рунопевческих деревень и традиционных ремёсел, оказывает поддержку в издании литературы на вепском, карельском и финском языках.

